

УДК 316.7:070

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-4-27-39

Меринов В.Ю.

**«СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ»:
КАРИКАТУРА И КАРИКАТУРИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ
В СОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПРЕССЕ 1920-Х ГОДОВ
(НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»)**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Аннотация. В настоящей статье феномен советской карикатуры 1920-х годов рассматривается с нескольких позиций. Первая: карикатура как послание (публицистический текст) с предельным интеллектуальным упрощением и эмоциональной насыщенностью. Вторая: карикатура в ее тесной взаимосвязи с советским журналистским сообщением в целом. При таком подходе становятся очевидными не только содержательные связи советской карикатуры с другими газетными материалами, но и глубинная общая упрощающая интеллектуальная и эмоциональная установка (видение мира), позволяющая рассматривать публикации советской центральной прессы как единый текст. Карикатура как жанр лишь наиболее ярко проявляла общую тенденцию советской журналистики 1920-х годов к карикатуризации действительности. Она была рядовым кирпичиком в выстраиваемом огромном здании властного карикатурного апологетического послания (супержанра), который был разбит на два метажанра Славы и Поношения.

Мы полагаем, что карикатуризация (упрощение) навязывала читателю (зрителю) архаические представления об окружающем мире. По сути, она формировала советского человека как гибридного, внешне принадлежащего современной эпохе, но по своим фундаментальным, общественно-гражданским представлениям – человека допросвещенческой эры. Мы определяем эту ситуацию как чрезвычайно опасную для национального общественного самосознания. Последствия победы карикатурной реальности проявили себя, к примеру, в неспособности к адекватной оценке как отдельных политических феноменов, так и международной и внутривосточной ситуации в целом.

Ключевые слова: советская журналистика; советская карикатура; карикатуризация мира; тоталитаризм; фашизм.

Merinov V. Yu.

**«THROUGH THE MAGIC CRYSTAL»: CARICATURE
AND CARICATURIZATION OF REALITY IN THE SOVIET CENTRAL
PRESS IN THE 1920s (ON THE EXAMPLE OF "PRAVDA")**

Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Abstract. In this article, the phenomenon of Soviet caricature of the 1920s is viewed from several positions. First, as a message (journalistic texts) with the utmost intellectual simplification and emotional intensity. Second, in close relationship with the Soviet journalism message as a whole. With this approach both the content (superficial) links of Soviet caricatures with other newspaper materials and the underlying general simplifying intellectual and emotional messages (world vision) become certain and due, enabling to consider the publication of the central Soviet press as a single text. However, caricature as a genre most vividly demonstrated the general tendency of the Soviet journalism of the 1920s in caricaturization of reality. It was a simple “brick” in a huge building of a powerful caricatural apologetic message (supergenre), which was divided into two metagenres – Fame and Reproach.

In our opinion, caricaturization (simplification) imposed upon the reader (viewer) some archaic ideas about the world. In fact, it formed the Soviet human being as a hybrid one: apparently belonging to the modern era, but in its fundamental socio-civic concepts – a human being belonging to the pre-Enlightenment era. We consider this situation as extremely dangerous for the national public consciousness. The consequences of the victory of the caricature resulted, for

example, in the inability of adequate assessment of both some political phenomena, and the international and domestic situation in general.

Keywords: Soviet journalism; Soviet caricature; caricaturization of the world; totalitarianism; fascism.

I

По общему мнению, 1920-е – начало 1930-х годов были едва ли не золотым веком советской карикатуры, как и других сатирических жанров журналистики (фельетонов, памфлетов) и сатирической литературы [см.: 12; 13; 14]. В это время почти каждый выпуск «Правды» выходил с большой карикатурой на первой полосе. Тысячи карикатур были размещены безупречно, с точки зрения психологии восприятия информации, справа вверху. Порой и другие полосы также снабжались сатирическим рисунком. Имена советских карикатуристов Кукрыниксов (М.В. Куприянова, П.Н. Крылова, Н.А. Соколова), Дени (В.Н. Денисова), Б. Ефимова (Б.Е. Фридлянда), Моора (Д.С. Орлова) и других знала вся страна. Они были обласканы вниманием власти: квартиры, дачи, мастерские, художественные материалы за бесценок и т.п. Напомним, что один из виднейших карикатуристов эпохи Борис Ефимов был награжден многими высшими правительственными советскими наградами: орденами, званиями и премиями. Он являлся значительной фигурой советского художественного истеблишмента [16; 17]. И.В. Сталин сам порой редактировал его рисунки, что для советского художника было показателем высшей оценки творчества и доверия со стороны власти.

Что же обеспечило советской карикатуре такое положение, даже при закрытии практически всех ведущих дореволюционных иллюстрированных сатирических и юмористических журналов («Ералаш», «Иллюстрированный альманах», «Стрекоза», «Шут», «Зритель», «Искра», «Гудок» «Сверчок», «Москва», «Осколки». «Сатирикон», «Новый Сатирикон» и других)? Вряд ли ответ кроется только в пропагандистских возможностях жанра (яркости, броскости) и бесспорных талантах самих художников. Чтобы ответить на него, необходимо, как мы полагаем, осмыслить сам феномен тоталитаризма.

В этом процессе осмысления мы считаем важным тезис о генезисе советского государства из сплоченной подпольной радикальной политической группы, напоминающей по своей структуре тоталитарную религиозную секту [см. 29]. Эта группа позаимствовала авторитарные управленческие технологии, в том числе у близкой по идеологии «массовой» (по классификации

М. Дюверже) социалистической партии. Одной из особенностей подпольного, антидемократического по своему духу, сознания, на которое наложились леворадикальные взгляды, обеспечив синергичный эффект, явилось тотальное неприятие современной буржуазно-демократической цивилизации, понимаемой как эксплуататорская, лживая и т.п. Главным последствием этого неприятия явился отказ от европейской цивилизационной (просвещенческой) сложности, которая проявляла себя, в том числе в сложных формах государственного, политического и социального (гражданского) устройства и взаимодействия, основанных на принципах децентрализации, самоуправления, автономного сосуществования и сотрудничества общественно-политических и других типов структур, организаций, ассоциаций граждан.

Тоталитаризм как политический режим, как мы полагаем, представлял собой превращенную форму демократии, в том смысле, что псевдодемократические организации не просто прикрывали фактическое отсутствие прав и свобод граждан, но являлись важными инструментами расправы со своими подлинными демократическими двойниками: парламентом, судебной системой, независимыми общественными и творческими организациями, в том числе, и журналистикой [23; 25]. То есть их деятельность была направлена на устранение сложности и отказ (концептуально оформленный) от автономности собственного существования. Так советская пресса, которую только с большой долей условности можно называть журналистикой, не только лишилась самостоятельности, но стала одним из главных гуманитарных элементов тоталитарной машины. Она всеми силами старалась внедрить идеи и схемы, основанные на преднамеренном упрощении и архаических дуальных построениях. Советским моделям действительности была свойственна склонность к псевдосложным (в том числе конспирологическим, идейно-теоретическим) конструкциям, которые подменяли реальную сложность мира.

В 1920-е годы в СССР под видом строительства «нового мира» и «нового человека» стал формироваться культ простоты, сопровождавшийся истреблением многообразия политических и общественных структур и форм,

в том числе мыслительных (когнитивных). Эту склонность к предельному упрощению и производным от данного понимания мира террористическим социальным практикам заметили современники («Государственный... системный террор... угроза террором» (И.З. Штейнберг), «Адская машина страха...» (С.А. Левицкий), «армиоморфизм» (В.М. Чернов), «милитаризм» (Е. Трубецкой) [Цит. по 20], «солдатчина... страх... шпионские инстинкты» (Н.А. Бердяев [2]), «Большевизм – это ... война» (Г.П. Федотов [34]) и т.п.). Повышенную агрессивность тоталитаризма как внутри страны, так и вовне, порождавшего у жителей страны «страх как рамку понимания» мира (Л. Гудков), отмечают и современные исследователи, историки и социологи Ю. Левада, И. Яковенко, Л. Гудков, Е. Гайдар, А. Зубов и другие [см., напр.: 11; 19; 35]. «Молодая» страна выходила напрямик к древним (средневековым) деспотическим и простым общественным отношениям, описанным отечественными мыслителями как «теократия» (Ф.А. Степун), «мужицкое царство», «централизованное... в высшей степени милитаризованное государство», наследница «тоталитарной идеократии Грозного» (Н.А. Бердяев), «древняя Москва», «всероссийская пугачевщина» (С.Л. Франк), «крестьянская утопия» (П.Н. Милуков), преемница «православного тоталитаризма... и ксенофобии Ивана Грозного» (Л. Ржевский (Л.А. Седов), «докапиталистическое... от фараонов... общество-казарма» (Е.Н. Стариков) [20].

Собственный трагический и деформирующий восприятие культурно-исторический опыт как бы накладывался на журналистское сообщение и «помогал» осмыслить еще только нарождающемуся советскому человеку в том числе и зарубежную реальность. Последняя моделировалась как упрощенная, гротескная, насильственная, весьма напоминавшая «гражданам самого свободного в мире государства» собственную страну, активно избавлявшуюся от сложных «буржуазных» форм взаимодействия (власти и народа, ветвей власти, организаций и т. д.). Думается, именно опытом жизни в такой действительности с ее социально-психологическими практиками давления, подчинения, унижения и можно объяснить то обстоятельство, что примитивные когнитивные конструкции в духе средневековой демонологии могли вызывать доверие у советских людей и успешно закрепиться в общественном сознании на долгие десятилетия.

Важную роль в создании советской упрощенно-гротескной картины реальности играла центральная пресса и ее флагман – газета «Правда». На ее страницах бесконечно

воспроизводился примитивный дихотомический сценарий борьбы дестабилизирующего начала – Хаоса (пугающего, тревожного, нестабильного [см.: 5, с. 81]) – с неприступным советским бастионом, олицетворяющим Порядок и Великую Гармонию. Надежда на благоприятный исход сражения «сняла» эту тревожность, но лишь частично, не позволяя советскому гражданину расслабиться и выйти из режима военно-политической мобилизации.

Газета «Правда» представляла собой результат тоталитарной подмены, когда вместо качественной ежедневной газеты советскому читателю была предложена так называемая «фасадная организация» (Х. Арндт), партийная газета радикального политического толка [25]. В солидной качественной газете, как правило, наблюдается некий баланс между ведущими жанровыми группами, эмоциональной насыщенностью и интеллектуальной строгостью, сдержанностью тона, корректностью, возможностью критики власти и самокритики, первичности внутригосударственных событий перед мировыми, субъектностью редакционной и журналистской. При этом публицистическая тональность, в силу своей специфики (в том числе и тенденции к упрощению картины мира), не может быть ведущей. В случае «Правды», в результате подмены, жанровый, эмоциональный, интеллектуальный и нравственный балансы были резко сдвинуты.

Казалось бы, карикатура не нуждается в своем оправдании. Этот сдвиг баланса заложен в самом жанре. Действительно, гиперболическое преувеличение, заострение, выпячивание недостатков и пороков, акцентирование внимания на уродстве, неправильности, выход за пределы естественной нормы – основные черты карикатурного рисунка. Однако определяющими здесь являются несколько аспектов, говорящих о новой роли и месте карикатуры и сатирического изображения в советских СМИ.

Во-первых, сам выбор поджанра карикатуры. Из всего набора поджанров («черный юмор», юмористический шарж, юмор (funny cartoon), сатира, шарж, карикатура как искусство или станковая карикатура (fine art cartoon), философская карикатура, странные предметы и др.) в советской журналистике рассматриваемого периода используется исключительно тип сатирической политической карикатуры. Здесь на первое место выходит двуединая задача, с одной стороны – развенчания, посрамления врагов (Чужих), как правило, «Запада» [7; 8; 31], с

другой – прославление политически близких (Своих) – вождей, партии, пролетариата и т.п.

Весьма показательно то, что в литературной энциклопедической статье того времени (1929–1939) под редакцией В.М. Фриче и А.В. Луначарского за карикатурой закрепляется именно это памфлетное и социальное содержание, остальные аспекты игнорируются: «Хотя сатирическое применение и необязательно для карикатуры, однако вне сатиры карикатура всегда стоит перед опасностью превратиться в безответственную легкую шутку, которая не может претендовать на серьезное общественное значение. ... Поэтому наибольшее развитие карикатуры исторически совпадает с наибольшим расцветом сатирического творчества и отмечает моменты наиболее напряженной социальной ломки, наиболее обостренной идеологической борьбы» [21].

Во-вторых, исключительное использование сатирической политической карикатуры можно было бы объяснить характером газеты (политической, партийной), если бы не структура тоталитарных СМИ в целом. В построенной властной медиапирамиде «Правда» играла роль ведомственного советского начальника, журналистского и идеологического эталона, обязательного для подражания. Политическая сатира, занявшая первое место в «Правде», автоматически становится ведущим и преобладающим жанром карикатуры в советской прессе, вытесняющим все другие жанры (а значит, и способы осмысления мира).

В-третьих, важным нам представляется вопрос о выборе объекта критики. Для дореволюционной критики, публицистики, карикатуры главным объектом насмешки была власть, группы высокого социального статуса [6; 32]. В то же время объектом защиты были слои с низким социальным статусом, ущемляемый в правах так называемый «маленький человек». Так известная французская исследовательница российской карикатуры К. Грет отмечает: «Первая предреволюционная карикатура относится к 1900 году. На рисунке в виде социальной пирамиды изображается трудное положение рабочих и безземельных крестьян того времени. С революцией 1905 года свобода слова достигает своего пика, что позволило журналистам и издателям той поры публиковать рисунки, минуя контроль цензуры. <...> В 1905 году народ смог наблюдать настоящий всплеск в карикатуре достойной своего имени» [9]. Эти темы были актуальны и в творчестве будущих звезд

советской карикатуристики (к примеру, Моора).

Подобное же понимание задач карикатуристики вернулось к художникам в постсоветский период, в период попытки перехода отношений власть – журналистика к более или менее цивилизованным отношениям. Известный художник-карикатурист В. Мочалов, например, полагал, что дело карикатуры быть независимой от власти и держать ее «в постоянном напряжении. Карикатура – это укол власти. <...> Карикатура – это всегда неофициальная точка зрения. Она всегда личностная, созданная через собственное переживание, через собственные мысли, размышления, оценку. <...> Карикатурист помогает людям расслабиться и увидеть недостатки власти. Как бы эта власть ни пыталась пудриться, делать макияж, хорошую мину. Карикатурист дает возможность раздеть власть, раскрыть, разгадать по-своему и показать самые неприятные ее черты» [28]. Ему вторил М. Златковский: «В рассказе Владимира Набокова "Истребление тиранов" герой мечтает о различных способах убийства тирана и находит самый эффективный: высмеять тирана» [3].

Советская карикатура отвергла эти сформировавшиеся в недрах европейской просвещенческой цивилизации задачи и формы взаимоотношений журналистики и власти. В своей биографической книге «О себе и не только» В. Мочалов замечает, что «после 1922 года никаких шаржей и карикатур на больших руководителей в СССР не печатали. Официально говорилось, что главным источником всех несчастий в нашей стране являлся управдом. Ну, в крайнем случае — безымянный чиновник. Очень удобно — и власть делает вид, что к ней это отношения не имеет, и автор не репрессирован» [28]. Советская карикатура обрушилась на тех, кого власть же и определила на роль жертвы, на объект, как правило, лишенный элементарных гражданских прав, возможности судебной защиты и даже самозащиты. Именно «маленький человек» стал главным пострадавшим от советской карикатуры. Исследовательница литературы сталинской эпохи К. Кларк пишет об отказе в советском искусстве 1930-х годов «от образа маленького человека как краеугольного камня нового общества» [22, с. 262]. Действительно, маленький человек как художественный образ исчез. Однако как социальный тип он никуда не делся. Другое дело, что в советских культурных текстах он как бы раздвоился. Один из его подтипов (пролетарий, военный и др.) героизировался и стал одной из опор

героического мифа – «простого советского человека», всегда готового к подвигу, к смерти «за дело партии», другой – приобрел отчетливые демонические черты прислужника Сатаны-Запада.

В качестве социальных типов, разоблачаемых советской карикатурой, были деклассированные элементы (так называемые «бывшие представители эксплуататорских классов», «кулаки», «подкулачники», «вредители» и «отравители», «вейсманисты-морганисты», «космополиты», «врачи-убийцы» и т.п.), политические оппоненты (монархисты, кадеты, меньшевики, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Рыков и др., по мере попадания в графу «враг народа»), мелкие служащие и представители торговли. Они-то и представляли собой тип нового «маленького человека» советской эпохи, беззащитного в действительности, но наделенного необычайной силой, дьявольской хитростью и коварством в советском журналистском и политическом дискурсах. Естественно, что против такого «могущественного» врага все средства были хороши. В эмоциональной статье М.М. Златковского о Борисе Ефимове говорится, к примеру, о близости советской карикатуры сталинского периода к уголовно-процессуальному жанру доноса. Автор называет известного карикатуриста «членом расстрельной команды» и «палачом от карикатуры» [16].

Кроме того, карикатурному развенчанию подверглись и представители зарубежных политических сил: парламентарии, члены правительств, премьер-министры, видные политики, целые организации и институты (партии, парламенты), не имеющие возможности ответить, провести дискуссию, защитить свою точку зрения. В середине двадцатых дело даже дошло до международного скандала. «Правда» от 5 апреля 1925 г. на первой полосе сообщает, что депутаты английского парламента подали запрос в МИД Великобритании «по поводу статей и карикатур в “Правде”, оскорбительных для страны и памяти лорда Керзона». «Правда» отреагировала на инцидент весьма своеобразным образом. Под сообщением о депутатском запросе была размещена новая карикатура под названием «Правда» глаза колет», изображающая политических лидеров Англии (Чемберлена, Макдональда, Эванса, Хинкса, Болдуина) в крайне непривлекательном (расчеловеченном) виде.

Необходимо заметить, что английские депутаты совершенно точно подметили связь советской карикатуры с дальнейшим текстовым материалом. Визуальный материал рисунка обычно подкреплялся собственно текстовыми разъясняющими вставками, но содержательные и

эмоционально-стилистические связи на этом не обрывались: расположенные рядом материалы, как правило, были посвящены той же тематике. Однако главным в этом случае являлась не столько тематика, сколько стилистика, тот тон, эмоциональный фон, который они создавали совместно. Советская карикатура оказалась изоморфна всему советскому политическому дискурсу, стала частью общего пропагандистского послания власти, информационной картины мира, обладавшей карикатурными чертами: популистской простотой, контрастностью, максимальной эмоциональной насыщенностью. Карикатура как предельно упрощенная бинарная конструкция, апеллирующая прежде всего к эмоциональной сфере, стала универсальной моделью изображения мира для всей отечественной журналистики.

Карикатура вписалась в общую карикатурную макроструктуру жанров советской журналистики. Карикатурность их проявлялась в следующих характеристиках: минимизация нейтрального тона, аналитических (сдержанных, рассудительных) материалов, отказ от объективного освещения новостей. Информационный и аналитические жанры фактически оказались подменены публицистическими. Этот феномен можно определить как экспансию публицистического (карикатурного) стиля. Статья в «Литературной энциклопедии» (1929-1930), которую мы рассматривали выше, по сути, концептуализировала это положение дел. Так в ней заявлялось, что к карикатуре «тяготеют всевозможные полемические жанры и журналистика» [21]. Таким образом, между карикатурой и публицистикой и, в свою очередь, между публицистикой и журналистикой был фактически поставлен знак равенства. Данное понимание советской гуманитарной сферы «журналистики» самой себя как карикатурогенерирующей практически совпадает с нашими размышлениями об этом феномене.

Сама картина эпохи, явленная в статьях (насыщение информационного пространства упрощенными эмоциональными (милитаристскими) характеристиками («напряженная», «обостренная», «ломка», «борьба», «опасность», «наибольшее», «наиболее» и т.п.), содержала определенные черты карикатуры. Авторы статей как бы демонстрировали пример использования метода карикатуризации. Основой его явились эмоциональная взвинченность, возбуждение, истерический тон, наэлектризованная атмосфера сообщения. Фиксируются предельные эмоциональные состояния изображаемых персонажей, так же максимальна амплитуда якобы

ответной реакции на событие («агрессивное» действие, «угрозы врагов» и т.п.), резкие тона расщепляют эмоциональный спектр на два цвета – белый и черный. Этот взгляд на мир способствовал разведению журналистской жанровой структуры на две большие группы жанров (метажанров): Славы (панегирика) и Поношения (проклятия), которые в целом представляли два крыла единого супержанра – Апологии власти [23].

В данном случае срабатывала «память жанра» (Бахтин), извлекающая примеры из средневеково-феодального (религиозного) прошлого (просьба-молитва, молитва-прославление, икона, житие, хождение, видение, толкование священных текстов, воинская повесть, проклятия) и уголовно-процессуальной сферы (доклад, донос, наводка, сигнал, отчет, служебная записка). Такое подключение архаики и административно-уголовного языка было неизбежно в культуре, отказавшейся от «капитализма» и «буржуазной цивилизации» европейского типа, то есть, от просвещенческих культурных ориентиров. Квазирелигиозный (средневековый) характер коммунистического и фашистского типов тоталитаризма отмечали современники. К примеру, Н.А Бердяев, исследуя «Истоки и смысл русского коммунизма», назвал большевистский режим «обратной теократией». И в наше время Л.Г. Ионин подчеркивает чрезвычайную важность категории «сакральность» как ядра советской «моностилистической культуры, вокруг которого строились все сферы советской жизни» [18, с. 207]. Экспансию мифологических бинарных структур в качестве признака возврата советской культуры к архаике подметили исследователи советской художественной соцреалистической литературы. Так религиозную (икона, житие, хождения) и фольклорную (сказка, народная песня, сказание, утопия и др.) архаику как подоснову (внутреннюю структуру) соцреалистического текста выявили Х. Гюнтер, К. Кларк, Е. Добренко, У. Юстус, и др. М. Балина определила близость жанров советского путевого очерка (жанра пограничного между журналистикой и литературой) и древнерусского хождения [1]. Мифологический аспект советской пропаганды стал объектом внимания Л. Гудкова и Е. Волковой [4; 10]. Напомним, что еще в 1920-х годах Ю.Н. Тынянов предостерегал В.В. Маяковского от излишнего упрощения содержательных схем, грозящих творчеству жанровым распадом на сатиру и оду [33].

Мы, в свою очередь, также определили близость журналистского текста к литературному, к соцреалистическому канону [24]. Хотя совпадение здесь оказалось неполным. Так исследователи

отмечали тенденции к фольклоризации соцреалистического художественного текста к 1930-м годам [30]. В журналистике в целом также был широко представлен этот элемент («сказительница» Марфа Крюкова, «пролетарский» поэт Д. Бедный, частушки и др.). Однако здесь были и свои особенности. Советская газета играла роль прямого связующего звена между сакральной властью и народом, была голосом власти. Поэтому указания в ней превалировали над «народными» откликами (словом). Отсюда определенного рода коррекция в сторону редукции жизнерадостного (псевдонародного) смеха, наиболее громко звучавшего в советских кинокомедиях 1930-х гг., и выхода на первое место квазирелигиозных (серьезных) мотивов, прославления вождя-мессии (партии), трансляции его слова-завета и демонизации всякого рода врагов.

Есть и еще одна немаловажная черта советского журналистского карикатурного восприятия действительности. Публицистичность (элементы критики) сама по себе вовсе не предполагает обязательного оскорбления, унижения объекта (собеседника, оппонента). Публицистический стиль сложен, риторические приемы имеют много степеней и градаций: от тонкой иронии до полного нравственного уничтожения. При всей своей резкости, публицистика как сфера общественной деятельности опирается на определенные этические нормы и правила, в том числе правила приличия, уважения к адресату послания. В советском политическом журналистском дискурсе, в той его части, которая касалась вездесущих «врагов», мы наблюдаем небывалое, к примеру, для дореволюционной журналистики речевое и визуальное (в случае с карикатурным рисунком) поведение. Характерной его особенностью является развязный тон, несдержанность, фамильярность, порой откровенная площадная грубость, претендующая на роль народной (сермяжной) правды. Именно в подобных формах проявлялась «свобода», понимаемая по-советски.

Типичными примерами этого явления служат публикуемые в центральной прессе стихотворные памфлеты крайне популярного и востребованного властью советского поэта Д. Бедного. «Лирический герой» Д. Бедного, действительно, бедный, бедный прежде всего мыслью, представитель социального низа, к тому же не отягощенный грузом высокой культуры и поэтому не выбирающий выражения. Так в «любезном» стихотворении «Англичанка гадит» «пролетарский поэт» представляет Англию в виде «подлой... стервы», «политического бандита», «извечного злодея» России, а английских политиков «твердолобыми» и агрессивными

(«Правда» от 27.02.1927). Стилистика площадной брани наглядно демонстрирует внедряемый в читательскую среду интеллектуальный уровень понимания мира. Характерно и показательно такое соединение формально разнородных видов и жанров (литературное стихотворение, рисунок, собственно журналистский материал, информационное сообщение и др.) в единое внутренне целостное (структурно, стилистически, содержательно) журналистское послание. Оно, на наш взгляд, демонстрирует всю условность традиционного жанро-видового деления в эту эпоху.

II

Конечно, говоря о карикатуризации советского медийного пространства как общественном феномене, мы не можем не затронуть тему урона, наносимого в духовной и интеллектуальной сферах сознанию масс и отдельному человеку. Именно через карикатуру наиболее полно проявились особенности советской журналистики (как, впрочем, и всей гуманитарной мысли). Одной из этих особенностей было (вряд ли осознанное и уж точно не высказанное) стремление к архаизации сознания советского человека, к воссозданию своего рода гибридного человека. Этот «новый человек» вобрал в себя, с одной стороны, внешние достижения современной европейской цивилизации. Они включали образовательные навыки, владение научной терминологией, просвещенческую риторику, знакомство с новыми технологиями и технологическими инновациями, возможное высокое техническое образование, внимание к международным событиям и вовлеченность в эту проблематику и т.п. С другой стороны, в общественно-гражданской сфере человек советский представлял собой существо, мыслящее глубоко архаически.

Именно вторая сторона (архаика) в событиях большевистской революции бросилась в глаза русским интеллектуалам. Среди них оказались философы, писатели, экономисты: П.Б. Струве, С.Л. Франк, Г.П. Федотов, Н.А. Бердяев [см.: 20], М.А. Булгаков («Собачье сердце») и другие. Они отметили зарождение нового антропологического типа. Власти осталось закрепить «успех» и сделать этот тип массовым и самовоспроизводимым. Для решения этой задачи новой журналистике пришлось стереть общественную (политическую, историческую) память дореволюционных лет, чтобы, перепрыгнув назад через эпоху, впитавшую в себя достижения европейской (общественной и политической) модернизации, выйти в конце концов на человека допросвещенческой эры.

История советских СМИ 1920-1930-х гг. есть история забвения достижений современной цивилизации, фундаментальных ценностей Просвещения (защиты «маленького человека», политических свобод, свободы слова и выступлений, парламентаризма, принципа разделения властей и т. д.), своего рода нырок в прошлое. Само по себе главенство эмоциональных аспектов над интеллектуально-аналитическими, сказывающееся, в том числе, в отходе от аналитического подхода (аналитических жанров в СМИ), говорит о тенденции к деинтеллектуализации общественного дискурса.

В советских СМИ этого периода воссоздается особая гротесковая карикатурная расчеловеченная реальность, которая стала мощным фактором дегуманизации общества. Гипербола, намеренное искажение пропорций, высмеивание, глумление над политическим оппонентами практически закрывают пути к нормальному диалогу с объектом изображения. Карикатура становится метафорой осмысления мира как войны, с характерными для нее контрастом (Добро – Зло), преувеличениями, разрушительными актами, нравственным разрывом с несоветским (неправедным, лживым) миром, пафосом его уничтожения. Карикатурная эсхатологическая теория предполагает несовместимость Света и Мрака, Порядка и Хаоса, долженствующую разрешиться последней великой войной и победой сил Добра. Собственно, само карикатурное сообщение есть поле битвы, на котором здесь и сейчас одерживается символическая риторическая (нравственная) победа над врагом. Результат этой победы – чувство превосходства уцелевшего советского человека над низвергаемыми в Ад собственными и иностранными «врагами народа».

Карикатурная реальность практически исключала иронические интонации в отношении к самим себе, примирительный тон и направленность на другого, ориентировала не на дискуссию и определение истины, а на дискредитацию оппонента, поиск в нем смешного, уродливого (даже во внешности), над чем непременно нужно смеяться, потешаться. Этот стиль мышления прививался в СССР в отношении всех политических оппонентов власти. Главным и наиболее востребованным в советских СМИ стал остроумный, хлесткий, яркий эмоциональный образ, а не развернутое серьезное обсуждение проблемы.

Карикатуризация как метод мышления пронизала буквально все сферы советского общественно-политического дискурса (государственно-правовую, экономическую и социальные). В качестве примера возьмем для

начала международную проблематику. Первые полосы «Правды» в подавляющем большинстве случаев уделяли повышенное внимание международным событиям. Так карикатуризации была подвергнута область международного права, государственного суверенитета. Развенчание зарубежных так называемых «буржуазных» правительств (прежде всего английского) – постоянная тема выходящих печатных материалов и карикатур. Иностранное правительство, как правило, подается как «клика», сборище авантюристов и нравственных уродов, противящихся интересам собственного народа и даже бизнеса («Английские деловые круги против разрыва с СССР» («Правда» от 27.02.1927). Карикатура дополняет газетные тексты, окончательно расчеловечивая персонажей. В карикатурных сериях Дени («Игрушки Дени», «Елочные украшения Дени»), зарубежные национальные лидеры представлены в виде кукол, запрограммированных на одно механическое, бессмысленное действие (подчинение или/и агрессия). Кроме того, рисунки были призваны вызвать у зрителя чувство презрения к деятельности всемирных организаций (Лига Наций) и международных конференций, «управляемых» высокопоставленными «ставленниками мирового капитала» [15].

Сарказм в отношении к демократически избранным органам власти, дополняющийся неуважением к международно-признанным договорам, порождал представление об иллюзорности, шаткости и условности (временности, проницаемости) государственных границ. Порой в текстах толковалось, в каких случаях и кому позволено нарушать нормы международного права, а кому нет: «Одно дело, когда социалистическая республика в целях освобождения пролетариата поддерживает угнетаемые, в том числе и буржуазные страны... Другое совсем противоположное дело, когда империалисты выступают против социалистической республики...» («Правда» от 27.02.1927). Материалы зачастую сочетают бахвальство, хвастливую демонстрацию мощи и прямые угрозы в адрес иностранных государств: «Нам никто не может и не имеет права мешать помогать вашим борющимся братьям в их схватках с мировой буржуазией. Нам никто не запретит питать симпатии к пробуждающемуся и пробудившемуся Востоку». Из Д. Бедного: «Вам советская власть не мила?... Она с вашими рабочими якшается? / Она в китайские дела / Совсем не по-вашему мешается? / Она прогнавши своих богачей / С чужими тож не церемонится?... На своем пути ни перед кем не посторонится?..»

(«Правда» от 27.02.1927).

Склонность к эмоциональной трактовке событий в категориях «классовая справедливость», «классовая правота», «возмездие» и других подобных способствовала формированию советского человека как человека внеправового сознания, игнорирующего правила международного поведения. Цинизм и глумление над якобы не работающими демократическими институтами – парламентами, состоявшими из «продажных политиканов», разоблачаемыми как ширма для деятельности настоящих «кукловодов» – «денежных мешков», рождало презрение к этим институтам, вырабатывало устойчивые массовые представления об ущербности парламентской формы демократии, о невозможности демократии где-нибудь, кроме СССР. Но это только одна сторона вопроса. Карикатурность самой ситуации состоит в том, что в качестве альтернативы, образца демократии, предлагался режим, который демократическим можно назвать только будучи, как говорят психологи, в «измененном состоянии сознания». Данное парадоксальное положение было навязано обществу, стремительно терявшему в 1920-е годы способность к пониманию довольно простых для современного цивилизованного человека вещей. К примеру, что принуждение к политическим, социальным и даже к культурным акциям (парадам, шествиям, митингам) – это плохо; что выборы – это когда граждане выбирают депутатов из некоторого числа (не равного одному); что граждане должны влиять на власть и формировать ее; что вмешательство государства во все сферы, включая личную, также нехорошо. Советский человек приучался жить в подмененной (карикатурной) реальности, где слова и термины существовали как бы отдельно от их настоящего (словарного) значения («гражданин», «гражданские права», «выборы», «митинг», «парламент», «республика», «профсоюз», «творческий союз», «централизованная демократия», «советская демократия» и т. п.).

Экономика и сфера финансов – области, также претерпевшие от упрощения и деинтеллектуализации. Так, правилом в советской журналистике становится весьма однобокое понимание экономических отношений как детерминированных политическими связями в духе суверен (США, Англия) – вассал (Европа) или пронизанных «хищническими инстинктами» буржуазии. Так, карикатура Дени «Капитал» (чудовище, опутавшее заводы паутиной и сидящее на деньгах) дополнена одноименным сочинением Д. Бедного со словами: «Любуясь дивною картиной, / Рабы, склонитесь предо мной! / Своей стальною паутиной / Опутал я весь шар земной. /

Я – воплощение капитала. / Я – повелитель мировой. / Волшебный блеск и звон металла – / Мой взгляд и голос властный мой» (1919). Показательна похвала, данная «настоящему газетчику» Дени его братом Моором. Моор отметил, что этот художник не только «чрезвычайно острый тематически», но и «общедоступный по концентрированной простоте» [15].

Простота, снижение интеллектуального уровня, повышенная агрессивность явились универсальными характеристиками текстов эпохи. В.В. Маяковский в своем стихотворении «Лицо классового врага», опубликованном в «Комсомольской правде» (29.02.1928), выводит на чистую воду «ихнюю орду» (врагов советской власти), замечая по ходу сюжета, что в этом деле он далеко не первый: «Кулака / чернят – / не так ли? – / все плакаты, / все спектакли». Тем не менее, поэт пытается вставить свое свежее слово в хор обличителей. Он предлагает пересмотреть ставшие ко второй половине 1920-х классическими образы «частников» – нэпманов и кулаков. «Раздраконенные Дени .../ Толстый, низенького роста.../ Омерзительнейший вид. / А из лысинных целин / подымается – / цилиндр»¹. Эти персонажи, по мнению «первого поэта революции», устарели; в реальности их сменили «буржуй-нуво» и «новый кулак». Стихотворение В.В. Маяковского также во многом обнаруживает признаки жанра доноса. Его главная задача – «распознать буржуя», «врага», «перекрашенного кулака» с целью его нейтрализации. Примечательно то, что несмотря на попытку создать «новый» образ, логика упрощения советской культуры работала безотказно. Поэт смог предложить только внешне «усложненный» («перекрашенный») образ («перекрасил кулак и вид и масть... изменилась кулачья видимость», «завел бородку... в косоворотке... худ с лица... на тракторе прет»). «Нутро» осталось всё тем же – карикатурным («паучьи лапы... собакой сидит на своем добре... глаза на выкате»). Оно материализуется «вечером», в «театре» «бриллиантами», «обрезами», и т. п.². Как видим, архаизация (оглупление) сознания, настроенного на поиски «козней» и классовую конспирологию, влекла за собой не только примитивную терминологию и лексику, но и порождала деформированный мир, полный страхов, подозрительности, недоверия, отчуждения и агрессии.

¹ Маяковский В.В. Лицо классового врага. [Электронный ресурс] URL: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/m-stih362.html> (дата обращения: 11.10.2016)

² Там же.

Неспособность ответить на вызовы современности проявилась в неумении адекватно осмыслить новые культурные феномены, такие как «фашизм», да и себя самих. Хотя скорее нужно говорить о другом, о сокрытии советской журналистикой и всей гуманитарной сферой истинных черт фашизма. Со времени появления фашизма в 1923 году в Италии и идентификации его мировой общественностью как абсолютного зла, советская центральная пресса охотно использовала антифашистскую терминологию. Однако сам фашизм как политическое понятие не получил сколько-нибудь развернутого, полного толкования ни в советской журналистике, ни в науке, ни в искусстве. Скорее наоборот, понимание фашизма сужалось (на первое место выходил антикоммунизм) и искажалось за счет отнесения его к капиталистической цивилизации. Изредка было возможно и более глубокое понимание фашизма (в творчестве И. Эренбурга довоенного и военного периодов), но в целом ограниченное все теми же идеологическими рамками [см.: 26; 27]. Попытки же более полного раскрытия культурно-исторических и общественно-психологических аспектов данного явления решительно пресекались. Так острая и пронизательная антифашистская пьеса-сказка Е.Б. Шварца «Дракон» (1943) была разоблачена в газете «Литература и искусство» («Литературная газета») как «вредная антиисторическая и антинародная», «обывательская точка зрения на современность», «беспардонная фантастика», «пасквиль, клевета»³ и, в конце концов, запрещена.

А тем временем отечественные социально-политические мыслители в изгнании (такие как И.Л. Солоневич, Н.А. Бердяев, Л.Д. Троцкий, Б. Суварин (Лившиц), П.Б. Струве) двигались в одном направлении с европейскими исследователями (Л. Стурцо, Д. Амэндола, П. Гобетти, П. Жан-Люк, А. Жид, Ивон (Робер Гиенэф), П. Клодель, П. Паскаль, А. Цилик и другие). Обе исследовательские ветви пришли к сходному осмыслению феноменов фашизма и коммунизма как политических режимов, тяготеющих к варваризации, упрощению, тотальному насилию и агрессии, направленным вовне («освободительные походы», создание так называемых «народных республик», подрыв старых демократий) и внутрь общества (истребление независимых организаций, создание всевластной бюрократии, репрессии против политических оппонентов), а также и внутри каждого человека (подавление личных желаний

³ Бородин С. Вредная сказка // Литература и искусство: газета. 1944. № 13. С. 7.

во имя построения идеального антропологического типа – «нового человека»).

В отечественной же прессе в 1920-е годы разоблачающая антифашистская терминология служила инструментом борьбы не только с фашистскими режимами, но и с европейскими демократиями. Обличение собственно фашистских государств в советском журналистском послании занимает непропорционально малое место. Зато в это число попадали соседние с СССР государства: прибалтийские Литва (см. «Правда» 1926-1927 гг.) и Польша («Воинственные замыслы Пилсудского» («Правда» от 05.01.1927)). Досталось и тайным, но, конечно же, разоблаченным бдительными советскими «журналистами», «намерениям» США. В карикатуре Дени «Лицо фашизма» (1927) на фоне Белого дома изображена обезьяна с ножом, во фраке и «буржуйском» цилиндре со свастикой.

Главным же международным «фашистом» была объявлена «лицемерная» Англия, страна с наиболее развитыми институтами демократии, сформировавшимся гражданским обществом и либеральными традициями. Именно Англия, по мнению советских «журналистов», «готовит кровавый фашистский поход против СССР» («Правда», от 05.01.1927). Пример Англии свидетельствует о том, что список «фашистских» государств пополнялся волонтаристски, в зависимости от политической конъюнктуры. Туда попадали и страны, настроенные решительно против репрессий большевиков внутри страны, и политики «экспорта революции». Критика в сторону советских властей подавалась как нападки «фашистов» на Советский Союз («Правда», от 27.02.1927).

Партийная сфера также испытала на себе воздействие метода карикатуризации действительности. Естественно, что партиями, соответствовавшими советским политическим нормам, признавались только партии леворадикальные (коммунистические). Антифашистскому развенчанию подверглись практически все парламентские и непарламентские партии (от крайне левых до правых). Так рисунком 1930 года «XVI съезд партии» подчеркивается единство устремлений фашистов, социал-демократов и троцкистов, в «бессильной злобе» строящих «козни» партийному съезду. На эту же тему карикатура «Уничтожить гадину. Стереть с лица земли врага народа Троцкого и его кровавую фашистскую шайку» (1937), рисунок Дени «Фашисты и Иуда Троцкий шагают к своей гибели» (1937) с очередным стихотворением Д. Бедного «Шагают

к гибели своей»).

Борьба против демократических организаций (партий и движений) право- и левоцентристских и левых велась буквально с первых дней революции. Следует сказать, что отдельной строкой в этом партийном списке стоят европейские социал-демократы и российские меньшевики. Европейское социал-демократическое движение подвергается тотальной дискриминации и клеймению как предательское, соглашательское. Даются характеристики в высшей степени негативные: «гоп-компания», «берлинские социал-Иуды», «социал-клеветники», «социал-шулеры», «социал-демократические служаки капитала», «махровый социал-империализм», «отхожее место германской социал-демократической прессы», «лавочка» и «болтуны» («Правда» от 27.02.27). Они – «выживший из ума обер-предатель Каутский с белыми проходимцами... с социал-гранатчиками, с пилсудчиками» «в подлом канкане», «вкупе с... негодяем Шварцем... паршивой овцой», «торгуют распростигуированными телами и душами», «обрушиваются», «клеветуют», «захлебываются от восторга», поют «старую демагогическую песню», организуют «гранатную», «мерзопакостную травлю» страны Советов, готовят «чудовищное предательство пролетариата», «нанизывают легенду за легендой, одну пошлей, отвратительней, несуразнее другой» («Правда» от 27.02.1927: речь шла о вмешательстве Советского Союза во внутренние дела Китая). Социал-демократы, отказавшись от партийной солидарности, «посмели» разоблачать СССР как «империалистическую страну», а печатный «Орган С.-Д. солидаризируется с твердолобыми» («Правда» от 27.02.1927). И конечно, у этих «палачей и предателей пролетариата» нет «никаких фактов», только «жалкий аргумент», все их слова – это «чепуха», «небылицы», «сюсюканье», «мракобесие», «чихание», «какофония», «дикая претензия», «чемберленовская провокация» и только «косвенные улики». Все их обвинения есть не более чем «гнусная провокация», месть против страны, которая развернула «беспощадную борьбу с фашистской опасностью». Социал-демократы только отвлекают внимание граждан от «зверств фашистских банд», от того, что «загуляла фашистская секира в Литве», они пытаются «заглушить стоны казнимых, пытаемых литовских коммунистов» в то время как «по всей Германии ширится движение против фашистского террора в Литве» («Правда» от 05.01.1927: «Откровенная беседа двух охранников»). Весь материал содержательно выстроен так, чтобы он был понятен «любому бесхитроственному пролетарскому уму» («От Рут Фишер до Чемберлена» редакторский материал в «Правде» от 05.01.1927). Журналистские

публикации размещены рядом с карикатурой Дени под названием «Российский меньшевик: - Разрешите поднести к стопам Вашим этот “коврик”». На карикатуре изображен российский социал-демократ, в угодливо-униженной позе предлагающий вальяжно раскинувшись в кресле представителю высших властных «буржуазных» кругов газету «Социалистический вестник». В преамбуле заявляется, что «В статьях своего органа “Социалистический вестник” российские меньшевики становятся на сторону английского империализма в его борьбе с Советским Союзом».

Другие карикатуры Дени: «Социалистический юбиляр» (объект Ф. Шейдеман), «Каутский-Собакевич», «Марксизм Карла Каутского» (1925) также направлены на разоблачение европейских социал-демократов. Естественно, что карикатурное видение запрещало даже мысль о сотрудничестве европейских коммунистов с социал-демократами, воспринимавшемся как позорные уступки. Так «Правда» приветствовала раскол между левыми силами в Чехословакии. Коммунисты на запрос чехословацких социал-демократов об объединении на голосовании по вопросу о «реакционном законопроекте о местном самоуправлении» решительно отвергли возможность создания «единого фронта с буржуазными оппозиционными партиями», зато «предложили организацию объединенной борьбы вне парламента...» («Правда» от 05.01.1927).

Подведем итог.

В 1920-х – начале 1930-х годов политическая карикатура стала едва ли не основным методом описания социальной действительности, воплощением упрощенного советского понимания мира. Она идеально подошла к латентным задачам, поставленным советской властью перед гуманитарной сферой. Одной из таких задач было создание «нового человека» – человека архаического, с деформированным политологическим знанием, формировавшимся в атмосфере подозрительности и глубокого недоверия к демократическим институтам и организациям, человека нечувствительного к сложности, многообразию, многоуровневым описаниям, склонного к упрощенным мыслительным конструкциям; при этом самодовольно убежденного в своем нравственном и интеллектуальном превосходстве над представителями «буржуазной» цивилизации. Советская журналистика, формирующая общую карикатурную модель реальности, стала мощной силой, направляющей общество в сторону дегуманизации и деинтеллектуализации.

Литература

1. Балина, М. Литература путешествий // Соцреалистический канон / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 896–909.
2. Бердяев, Н.А. Была ли в России революция. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/39207p2.html> (дата обращения: 19.10.2016).
3. Власенко, Е. Художник Михаил Златковский: «власть не выдержит насмешки». [Электронный ресурс] URL: <http://www.svoboda.org/a/24092802.html> (дата обращения: 19.10.2016).
4. Волкова, Е.П. К вопросу о генезисе идеологемы «врага» в советской пропаганде: мифологический аспект // История отечественных СМИ. Отечественная журналистика как единый историко-публицистический процесс. Ежегодник–2012. М.: Факультет журналистики МГУ, 2013. С. 22–36.
5. Геллер, Л. Возвышенное в системе ждановского социалистического реализма // Венский славистический альманах. 1994. № 34. С. 81–114.
6. Голиков, А.Г., Рыбачёнок, И.С. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX-XX веков в политической карикатуре. М.: Институт российской истории РАН, 2010, 328 с.
7. Голубев, А.В. "Европы мрачен горизонт": образ Запада в советской карикатуре 1920-х годов // Преподавание истории в школе. 2008. № 1. С. 27–33.
8. Голубев, А.В. «Наш ответ Чемберлену»: Советская политическая карикатура 1920–1930-х годов // Историк и художник. 2004. № 2. С. 122–139.
9. Грет, К. Le dessin de caricature en Russe comme miroir des représentations. 2002-2003. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cartoonblues.com/forum/viewtopic.php?f=3&t=4049> (дата обращения: 15.10.2016).
10. Гудков, Л.Д. Идеологема «врага» // Гудков Л.Д. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. С. 552–649.
11. Гудков, Л. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 6 (56). С. 13–30. [Электронный ресурс] URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/18977969/> (дата обращения: 29.11.2016)
12. Ершов, Л.Ф. Сатирические жанры русской советской литературы (от эпиграммы до романа). Л.: Изд-во «Наука», 1977. 284 с.
13. Ефимов, Б.Е. Основы понимания карикатуры. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1961. 71 с.
14. Ефимов, Б. Оружие смеха // Вопросы литературы. 1962. № 1. С. 22-24. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ebiblioteka.ru/searchresults/article.jsp?art=37&id=11988609> (дата обращения: 19.10.2016).
15. Забродина, Ю.М. Виктор Дени. Советский политический плакат 20-х годов. [Электронный ресурс] URL: <http://artwork2.com/content/viktor-deni-sovetskii-politicheskii-plakat-20-godov> (дата обращения: 12.10.2016).

16. Златковский, М.М. Борис Ефимов. [Электронный ресурс] URL: <http://www.zlatkovsky.ru/text/file/?txt=efimov> (дата обращения: 10.10.2016).

17. Златковский, М.М. Борис Ефимов: 108 лет без совести. [Электронный ресурс] URL: <http://tapir.livejournal.com/1597714.html> (дата обращения: 10.10.2016).

18. Ионин, Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: «Логос», 2000. 432 с.

19. История России. XX век: 1894-1939 / под ред. А.Б. Зубова. М.: Астрель АСТ, 2010. 1023 с.

20. Кара-Мурза, А.А., Поляков, Л.В. (сост.). Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии / А. А. Кара-Мурза, Л. В. Поляков; Ин-т философии РАН. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. 440 с.

21. Карикатура // Литературная энциклопедия. В 11 т. Под ред. В.М. Фриче, А.В. Луначарского. М.: Изд-во Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература, 1929–1939. [Электронный ресурс] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/2210/Карикатура (дата обращения: 19.10.2016).

22. Кларк, К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург: Изд-во Уральского Университета, 2002. [Электронный ресурс] URL: <http://www.fedy-diary.ru/?p=2465> (дата обращения: 19.10.2016).

23. Меринов, В.Ю. Жанровые особенности советской журналистики 1930-х – начала 1950-х гг. (к постановке проблемы) // В.Ю. Меринов. Советская журналистика 1930-х – начала 1950-х гг. как культурный феномен. Белгород: ИП Остащенко А.А., 2015. С. 103–122.

24. Меринов, В.Ю. Советская журналистика 30-х – начала 50-х годов как искусство соцреализма. Стихия и отрицательный персонаж // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Социальные и гуманитарные исследования». 2015. Т. 1, № 4 (6). С. 51–56. DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-4-51-56

25. Меринов, В.Ю. Типологические особенности советской центральной прессы (на примере газеты «Правда») // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II Международная научно-практическая конференция. Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Международный научный семинар. Белгород, НИУ «БелГУ», 5–7 октября 2016 г.: сб. науч. работ / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 183–194.

26. Меринов, В.Ю., Световой, Д.В. Концепт «фашизм» в советской гуманитарной мысли (на примере публицистики И.Г. Эренбурга) // Современный дискурс-анализ. Электронный журнал www.discourseanalysis.org 2016. Вып. 15. С. 12–19.

27. Меринов, В.Ю., Световой, Д.В. Фашистские вожди в публицистике Ильи Эренбурга // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 12 (209). Вып. 26. С. 93–101.

28. Мочалов, В.Г. О себе и не только. [Электронный ресурс] URL:

<http://www.motchalov.ru/text.htm> (дата обращения: 09.10.2016).

29. Римский, В.П. Тоталитарный космос и человек. Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 1998. 126 с.

30. Соцреалистический канон. Сб. статей / Под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. М.: Академический проект, 2000. 1040 с.

31. Токарев, В.А. «Польша сгинела»: окаркаатуренные миры советской пропаганды (1939 год) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 216–233.

32. 300 лет российской печати / Ред.-сост. И. Яковенко, Л. Жуковская, И. Соколова и др. М.: «Известия», 2003. 562 с.

33. Тынянов, Ю.Н. Промежуток. [Электронный ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/classics/critics/tynianov/t77/t77-168-.htm> (дата обращения: 03.10.2016).

34. Федотов, Г.П. Сумерки отечества // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской мысли и культуры / Сост., вступит. статья, примеч. Бойкова В.Ф. СПб.: Изд-во «София», 1991. С. 319–329.

35. Яковенко, И. Выступление на «круглом столе» «Есть ли логика в отечественной истории?» // Знание – сила. 1990. № 11. С. 27.

References

1. Balina, M. Travel Literature. (in Russ.) *Socialist Realism Canon*. Ed. by H. Gunther and E. Dobrenko. St. Petersburg: Akademicheskii proekt, 2000. Pp. 896-909.

2. Berdyaev, N. A. *Was there a Revolution in Russia*. (in Russ.) [Online] URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/39207p2.html> (date of access: October 19, 2016).

3. Vlasenko, E. *Artist Michael Zlatkovsky: "The Government Can Not Stand the Ridicule"*. (in Russ.) [Online] URL: <http://www.svoboda.org/a/24092802.html> (date of access: October 19, 2016).

4. Volkova, E. P. About the Genesis of the Ideologeme "Enemy" In The Soviet Propaganda: The Mythological Aspect (in Russ.) *History of the Domestic Media. Patriotic Journalism as a Unified Historical and Journalistic Process. Annual –2012*. Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University, 2013. Pp. 22-36.

5. Geller, L. The Sublime in Zhdanov Socialist Realism System. (in Russ.) *Wiener Slawistischer Almanach*. No. 34. 1994. Pp. 81-114.

6. Golikov, A. G. and Rybachenok, I.S. *Laughter is a Serious Matter. Russia and the World at the Turn of XIX-XX Centuries in the Political Cartoon*. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. 2010, 328 p. (in Russ.)

7. Golubev, A. V. "Europe's Gloomy Horizon": The Image of the West in the Soviet Caricature of the 1920s (in Russ.) *Prepodavanie istorii v shkole [The teaching of history in schools]*. No. 1. 2008. Pp. 27-33.

8. Golubev, A. V. "Our Response to Chamberlain": Soviet Political Caricature of the 1920-1930s (in Russ.) *Istoriik i khudozhnik [Historian and artist]*. 2004. No. 2. Pp. 122-139.

9. Karine Greth. Le dessin de caricature en Russe comme miroir des représentations. 2002-2003. [Online] URL: <http://www.cartoonblues.com/forum/viewtopic.php?f=3&t=4049> (date of access: October 15, 2016).
10. Gudkov, L. D. The Ideologeme "Enemy" (in Russ.). *Negative Identity. Articles, 1997-2002*. Moscow: Новое литературное обозрение, «VCIOM-A», 2004. Pp. 552-649.
11. Gudkov, L. "Totalitarianism" as a Theoretical Frame: Attempts to Revise the Controversial Concepts (in Russ.) *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. No. 6 (56). 2001. Pp. 13-30. [Online] URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/18977969/> (date of access: October 29, 2016)
12. Ershov, L. F. *Satirical Genres of the Russian Soviet Literature (from Epigrams to the Novel)*. Leningrad: Nauka, 1977. 284 p. (in Russ.)
13. Efimov, B. E. *The Basic Understanding of Caricature*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Arts, 1961. 71 p. (in Russ.)
14. Efimov, B. Laughter Weapons (in Russ.) *Voprosy literatury*. No. 1. 1962. Pp. 22-24. [Online] URL: <http://www.ebiblioteka.ru/searchresults/article.jsp?art=37&id=11988609> (date of access: October 19, 2016).
15. Zabrodina, Y. M. *Victor Deni. Soviet Political Poster of 20s*. (in Russ.) [Online] URL: <http://artwork2.com/content/viktor-deni-sovetskii-politicheskii-plakat-20-godov> (date of access: October 12, 2016).
16. Zlatkovsky, M. M. *Boris Yefimov*. (in Russ.) [Online] URL: <http://www.zlatkovsky.ru/text/file/?txt=efimov> (date of access: October 10, 2016).
17. Zlatkovsky, M. M. *Boris Yefimov: 108 Years Without Conscience*. (in Russ.) [Online] URL: <http://tapirr.livejournal.com/1597714.html> (date of access: October 10, 2016).
18. Ionin, L. G. *Sociology of Culture: The Way into the New Millennium*. Moscow: Logos, 2000. 432 p. (in Russ.)
19. Zubov, A. B. (ed.) *Russian History. The Twentieth Century: 1894-1939*. Moscow: Astrel' AST, 2010. 1023 p. (in Russ.)
20. Kara-Murza, A. A. and Polyakov, L. V. (ed.) *Russian Bolshevism. The Experience of Analytical Anthology*. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute, 1999. 440 p. (in Russ.)
21. Fritsche, V. M. and Lunacharsky, A. (ed.) *Caricature. The Literary Encyclopedia. In 11 vols*. Moscow: Publishing House of the Communist Academy, Sovetskaya encyclopedia, Khudozhestvennaya literatura, 1929–1939. (in Russ.) [Online] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/2210/Карикатура (date of access: October 19, 2016).
22. Clark, K. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2002. (in Russ.) [Online] URL: <http://www.fedydiary.ru/?p=2465> (date of access: October 19, 2016).
23. Merinov, V. Yu. Genre Features of the Soviet Journalism in the 30s – Early 50s. (about the Problem). (in Russ.) *Soviet Journalism of the Years 30s – Early 50s as a Cultural Phenomenon*. Belgorod: Publishing House Ostashchenko A.A., 2015. Pp. 103-122.
24. Merinov, V. Yu. The Soviet Journalism in the 30s – Early 50s as the Art of Socialist Realism. Spontaneity and a Negative Character (in Russ.) *Research Result. Series "Social and human studies"*. Vol. 1, No. 4 (6). 2015. Pp. 51-56. DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-4-51-56
25. Merinov, V. Yu. Typological Features of the Soviet National Press (Case of "Pravda" Newspaper) (in Russ.) *The Discourse of Modern Mass Media in the Perspective of the Theory, Social Practice and Education: Actual Problems of Modern Media Linguistics and Media Criticism in Russia and Abroad*. Belgorod: Publishing House «Belgorod», Belgorod National Research University, 2016. Pp. 183-194.
26. Merinov, V. Yu. and Svetovoy, D. V. The Concept of "Fascism" in the Soviet Humanitarian Thought (Example of the Publicism of I. G. Ehrenburg) (in Russ.) *Sovremenny diskurs-analiz*. Online Scientific Magazine: www.discourseanalysis.org. Iss. 15. 2016. Pp. 12-19.
27. Merinov, V. Yu. and Svetovoy, D. V. Fascist Leaders in the Publicism of Ilya Ehrenburg. (in Russ.) *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities: Philology, Journalism, Pedagogy, Psychology*. No. 12 (209). Iss. 26. 2015. Pp. 93-101.
28. Mochalov, V. G. *About Myself and Not Only*. (in Russ.) [Online] URL: <http://www.mochalov.ru/text.htm> (date of access: October 9, 2016).
29. Rimsky, V. P. *The Totalitarian Space and Man*. Belgorod: Publishing House of Belgorod State University, 1998. 126 p. (in Russ.)
30. Gunther, H. and Dobrenko, E. (ed.) *Socialist Realism Canon*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2000. 1040 p. (in Russ.)
31. Tokarev, V. A. "Polska Sginela": Cartoon Worlds of the Soviet Propaganda (1939) (in Russ.) *Russia and the World Through the Eyes of Each Other: From the History of Mutual Perception*. Iss. 4. Moscow, 2007. Pp. 216–233.
32. *300 Years of Russian Press*. Ed. by I. Yakovenko, L. Zhukovskaya, I. Sokolova etc. Moscow: "Izvestia", 2003. 562 p. (in Russ.)
33. Tynyanov, Yu. N. *The Gap*. (in Russ.) [Online] URL: <http://feb-web.ru/feb/classics/critics/tynianov/t77/t77-168-.htm> (date of access: October 3, 2016).
34. Fedotov, G. P. The Twilight of the Fatherland. (in Russ.) *The Fate and the Sins of Russia. Selected Articles on the Philosophy of Russian Thought and Culture*. Coll. by Boikov V. F. St. Petersburg: "Sofia", 1991. Pp. 319–329.
35. Yakovenko, I. Speech at the "Round Table" "Is there any Logic in the Russian History?" (in Russ.) *Znanie – sila* [Knowledge - force]. No. 11. 1990. Pp. 27.

ОБ АВТОРЕ:

Меринов Валерий Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики, факультет журналистики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: merinov@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Valery Yu. Merinov, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Journalism, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: merinov@bsu.edu.ru